

Светлана Брагарник:

Если не полюблю — не сыграю

Странная это профессия — артист. Ну кто еще может сойти с ума, спиться, умереть, если у него нет работы! Казалось бы, живи да радуйся. А они умирают... Потому что не работа это, а жизнь, судьба, кара, если хотите. Актриса Московского театра имени Н. В. Гоголя Светлана Брагарник из этой породы людей: на сцене она живет, реальность «переживает». А на вопрос о самом заветном желании выдохнула только одно: «Играть, играть, играть!».

— Вообще-то я сейчас читаю различные интервью и ужасаюсь. Только и разговоров о том, кто с кем спит, да кто сколько получил. Разве можно потрафлять таким низким вкусам? Есть же достоинство. Да и, честно говоря, чем больше тайны в нашей профессии, тем лучше. Ну не должны зрители знать, как мы за продуктами бегаем.

— О продуктах и прочих «кухонных» делах говорить не будем. Но, согласитесь, Светлана Михайловна, еще есть люди, для которых артист — это нечто вроде «учителя жизни». И потому так волнует не только его творчество, но и приметы личности: взгляды, пристрастия, образ жизни, «корни». Ну вот, например, что подтолкнуло вас пойти именно в актрисы?

— Честно говоря, даже и не знаю, как я к театру прилепилась. Все очень спонтанно произошло. Я выросла в Риге, в семье никогда особого внимания театру не уделялось. Периодически ходили, конечно, как все нормальные люди. В школе я очень увлекалась Рижским тюзом. Помню, обливалась слезами над судьбой всяких там Васьков Трубачевых и Тимура с его командой.

— А сами в драмкружках не играли, как многие будущие артисты?

— Нет, никогда. Ну, конечно, стишки какие-то читала на разных смотрах. А еще, помню, меня выбрали «декоративным» председателем совета

дружины. Я была такая хрупкая, с глазками, длинные косы, бантики. Очень всем нравилось, когда я на сборах красиво салют отдавала. А потом вдруг сорвалась и после десятого класса помчалась в Москву поступать в театральное училище. Сама не понимаю, с чего это. Причем я всегда была таким домашним ребенком и до семнадцати лет ходила припудренной к мамин юбке.

— Поступили сразу?

— Да, в ГИТИС. Хотя я тогда половину букв не выговаривала, да и латышский акцент у меня был очень силен. Даже к логопеду посылали. Но, тем не менее, приняли.

— Наверное, у всех юных студентов есть какие-то идеалы, кумиры. Вы говорили себе: «Я буду Любовью Орловой или Валентиной Серовой»?

— Нет, я непременно хотела стать Павлом Орленевым. В юности очень много читала о театре, о знаменитых актерах. Вот, может, эти театральные бредни меня и «сгубили». Я восхищалась Стрепетовой, Орленевым, Мочаловым. Артист в моем тогдашнем понимании — это всегда трагик, страсти в клочья. Вот это судьба!

— Чем же ответила реальность на ваши юношеские мечты о «великой трагической актрисе»?

— Ну мечты, конечно, уже немного трансформировались. Но мне все же повезло: меня приютил Областной театр име-

ни А. Н. Островского, и я как-то сразу ворвалась в репертуар, на «выходах» не сидела. Сыграла Комиссара-Ларису в пьесе А. Штейна «У времени в плену», Верочку в горьковских «Последних», даже Мамаеву в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты». Представляете, я — Мамаева. Мне было чуть за двадцать, к тому же я за древком знамени спрятаться могла. Но сыграла. И там же за эту серию работ получила свой первый в жизни орден.

— Молодая актриса областного театра — и настоящий орден!

— Да, «Знак Почета». Правда, мы, молодежь, тогда совершенно не понимали, что это такое, веселились ужасно. Когда в театре что-то падало, то все смеялись: «Это Светка с орденом упала, он ее перетянул». А недавно был юбилейный вечер в Театре имени

спектакль. Он же первым поставил абрамовский «Дом». Один знаменитый критик на фестивале в Ереване, посмотрев «Дом», сказал, «Боря, да это же лучший спектакль в Москве». Но ведь для этого не нужно ехать в Ереван, можно было просто прийти на премьеру. Понимаете, это отношение такое. Конечно, театр сам во многом виноват, не нужны такие резкие перепады: от Абрамова к Софронову.

— Но этим ведь «грешили» практически все театры страны.

— Да, но почему-то были больше всех за это нас. Там — «академии», всякие народные артисты. Их не очень-то одернешь. А по нас проехать ничего не стоит. Нас только ленивый не пинал.

— И все же, наверное, страшно выходить на сцену и ви-

— Нужно все пропускать через себя. Моя первая задача — понять героиню, полюбить ее и защитить. А дальше уже наступают какие-то объективные вещи. Зритель может принимать героя или нет, а я должна его любить. Если не люблю — не сыграю. А это и есть как бы процесс проникновения внутрь образа. Помню, когда мы выпускали «Полет над гнездом кукушки», я похудела на семь килограммов, у меня тряслись голова, руки, я ничего не могла есть. Потому что впустила в себя весь тот ужас, который испытывала эта женщина, целую бездну одиночества, ненависти и самооправдания. Русский актер, мне кажется, всегда играет изнутри. Меня так учили, я так чувствую. Я даже Зайчика играла, и то его через себя пропускала. По-другому не умею.

— Случалось ли, что какой-

заниматься самостоятельной работой?

— У меня никогда не бывало на это времени, мне пообедать некогда. И слава Богу!

— Светлана Михайловна, одним из моих последних сильнейших кино впечатлений была ваша роль Алены в фильме «Сатана» режиссера В. Аристов. Страшная, жуткая и в то же время удивительно живая и даже обаятельная женщина.

— Одно из огромных везений в моей жизни в том, что я встретила с этим режиссером. Я ему доверяю совершенно. Он просто замечательно работает с актерами, он их чувствует. У нас с ним было колоссальное совпадение, вплоть до того, что я играю сцену, а он весь мокрый. То есть он со мной абсолютно на одной волне ее проигрывает. Когда я играла Алену, я пыталась постичь состояние чело-

воется ее опускать. Хотя, конечно, деньги... Это понятно. Но я подумала, что всех денег не заработаешь. Нужно быть поразборчивее. К тому же у меня есть театр, я на интересные роли не голодная.

— Светлана Михайловна, ваша эфемерная хрупкость рождает ощущение беззащитной, ранимой женщины. Как вы чувствуете себя в нашей нынешней, не очень уютной жизни?

— Я в этой жизни себя не чувствую. Причем не только сейчас, это было всегда. Я эту жизнь как бы терплю, я ее переживаю. А оживаю там, на сцене. И только там встречаю те чувства и отношения, которые меня в реальной жизни не посещают. Если честно, я даже боюсь жизни. Старюсь замкнуться и пробежать мимо нее, нырнуть куда-то — в дом или в театр. И, наверное, дело не только в профессии,

Гоголя, и мне наш режиссер говорит: «Обязательно орден надень. Чем больше у нас наград, тем лучше». Я гордо надева и хожу, а в перерыве слышу два старичка разговаривают: «Чудесный вечер, но вот эта девчонка с бутафорским орденом всю картину портит». Не поверили...

— Почему же вы решили оставить областной театр, если там все так удачно складывалось?

— Если честно сказать, очень трудно было. Ведь что такое областной театр? Редкие праздники, когда мы летом арендовали какой-нибудь московский зал, а ежедневные будни — автобус, и вперед, по всей Московской области. Приезжаешь куда-то, а там еще коров не подоили. Значит, надо ждать. Детишки по сцене бегают. Я знаю, что почти все актеры этих театров мечтают работать на стационаре. То, что надо уходить, я быстро поняла. А тут как раз Б. Голубовский увидел меня в Мамаевой и пригласил в Театр имени Гоголя. И я ушла, и не жалею. Хотя меня раз пять в месяц спрашивают: ну почему ты сидишь в этом театре? А я вот сижу и уходить никуда не хочу.

— Московский театр имени Н. В. Гоголя находится в категории «проклятых». Особым вниманием ни у критиков, ни у зрителей он не пользуется. Вам, как актрисе, отдавшей ему не один год, наверное, лучше знакомы и его взлеты, и падения. Какими они были?

— Взлеты были постоянно. И монотонного уровня не было никогда. У нас были ужасающие спектакли по пьесам А. Софронова, Л. Новогрудского. Но тот же самый Голубовский ставил «Полет над гнездом кукушки». Это был прекрасный

дет в зале человек пятьдесят!

— Это очень тяжело. Я вот не знаю, смогут ли другие актеры, избалованные, из какого-нибудь знаменитого театра, вроде Ленкома, играть на 50 человек так же честно, как на полный зал. А мы играем, потому что к нам ходит в основном только «свой» зритель. Я понимаю, что уж слишком «патристические» вещи говорю. Но все же «слава» нашего театра незаслуженная, совершенно незаслуженная.

— Светлана Михайловна, от будущей и праздников театра давайте вернемся к таковым в вашем собственном творчестве. Что из сыгранного вами было наибольшим «праздником души»?

— Знаете, я вот скажу сейчас банальность: каждая работа, почти каждая, была мне дорога. Может быть, тут какое-то особое везение, потому что я плохих ролей почти не играла. Я обожала роль медсестры Крысчед в «Полете над гнездом кукушки», Лизу в «Доме», Тугину в «Последней жертве», актрису в «Плюшевой обезьянке в детской кроватке». А сегодня я скажу, что моя любимая роль — это последняя. Понимаю — тоже банальность, но это так. Во-первых, потрясающая пьеса Т. Уильямса «Костюм для летнего отеля». Во-вторых, блестящие роли — Зельда и Скотт Фитцджеральд. Невероятные судьбы, трагические. Звездная пара, так страшно кончившая жизнь, она — в сумасшедшем доме, он — от алкоголизма. Мне еще до роли Зельды тянуться и тянуться.

— Всегда волнует вопрос — откуда же актриса, с «иной жизнью» не знакомая, берет каждый раз новые краски для постижения образа?

нибудь спектакль ставили «на вас»!

— Нет, наверное, мне просто везло с ролями. А конкретно «на меня» вряд ли что-то ставили. Конечно, бывало, что я в театре канючила, что-то предлагала поставить, но не получалось. И вообще, наш главный режиссер С. Яшин считает, что актеры должны подчиняться нуждам театра, а не наоборот. С одной стороны, может, это и справедливо, но с другой, как-то жестоко, категорично. Есть актеры, которые заслуживают, чтобы на них ставили.

— Вы никогда не пытались

века, который все время живет двойной жизнью, каждую секунду следит за собой, за каждым словом, взглядом, жестом. Какое же это страшное напряжение, когда ты не свободен. И к тому же она все время находится в ауре зла. Нужно было себя посадить на этот стержень, а дальше все пошло само собой.

— У вас есть какие-то дальнейшие киноперспективы?

— Вы знаете, когда поработаешь с таким режиссером, сделаешь приличную роль, творческая планка оказывается поднята очень высоко. И не

а в моем собственном характере. А быть эфемерной и хрупкой в наше время? Вряд ли это возможно. Они все погибают.

— Если бы вам вдруг предложили выбрать век, страну, где вы хотели бы жить, что бы вы ответили?

— Я выбираю театр — в любое время и на любой земле.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА.

● Светлана Брагарник: Крупным планом. В спектакле «Костюм для летнего отеля» Т. Уильямса.

Фото А. Степанова и О. Начинкина.